

Н. Н.
ЗЛАТОВРАТСКИЙ

Избранное

Детские и юные годы. Воспоминания 1845-1864 гг.

Николай Златовратский
Первые вестники освобождения

«Public Domain»

1908

Златовратский Н. Н.

Первые вестники освобождения / Н. Н. Златовратский — «Public Domain», 1908 — (Детские и юные годы. Воспоминания 1845-1864 гг.)

ISBN 978-5-457-03450-1

Николай Николаевич Златовратский – один из выдающихся представителей литературного народничества, наиболее яркий художественный выразитель народнической романтики деревни.

ISBN 978-5-457-03450-1

© Златовратский Н. Н., 1908
© Public Domain, 1908

Содержание

I	5
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Николаевич Златовратский

Первые вестники освобождения

I

Наша молодежь в начале освободительного движения. – Старые и юные разведчики. – Дядя Александр.

Год моего «первого», так сказать, «духовного окрыления» с переходом в четвертый класс совпал с особенным оживлением в жизни нашей семьи.

По происхождению я, как уже выше сказано, принадлежал к разночинско-чиновничьему городскому классу, не имевшему непосредственного отношения к крепостному крестьянству, но благодаря близости моей семьи к сельскому духовенству, а также и службе моего отца в канцелярии дворянского собрания в нашей семье косвенно постоянно поддерживалась связь как с крестьянами, так и с помещиками.

Первое, что вспоминается мне из этой поры моего детства, – это личность нашей кухарки Дарьи, находившейся в каких-то своеобразных «крепостных» отношениях к нашей семье. Жила она у нас, повидимому, довольно долго, вплоть до 19 февраля, и все это время она вспоминается мне в неизменном образе «девки-вековуши» средних лет, деловитой, расторопной, с некоторой долей самостоятельности в характере, соединенной с той «хитрецей», которая была в то время неизбежной для всякой «деловитой» мужицкой натуры.

Мой отец, как не принадлежащий к дворянскому званию, не мог иметь крепостных, но так как найти прислугу из некрепостных было нелегко, то и выработался в то время оригинальный обычай: чиновники не дворяне, духовенство, купцы обыкновенно выплачивали помещику за прислугу из крепостных известную сумму, как бы вроде своеобразного «выкупа», распределяемого на известное количество лет (мне почему-то запомнилась относительно Дарьи сумма в 300 рублей), в течение которых прислуга значилась «как бы» крепостной у нанявшего ее лица. Говорю «как бы» потому, что последний не пользовался над нею никакими юридическими помещичьими правами, не мог ни продавать ее, ни менять, ни производить каких-либо барских экзекуций над нею.

Такой формой найма крепостные, повидимому, пользовались нередко для выкупа на волю.

Так обстояло дело и с нашей Дарьей. Но так как она совсем сжилась с нашей семьей и не чувствовала над собой никакого крепостного «ига», то она благополучно дожила у нас до 19 февраля. Эта-то Дарья и была вначале одной из посредниц, связывающих нашу семью с деревенским людом. Два ее брата были на оброке и ездили в нашем городе легковыми извозчиками. Отец часто ездил на них по делам, и они, привезя его домой, долго иногда оставались у нас на кухне чаевничать с Дарьей, которая, таким образом, всегда была в курсе «деревенских дел», чрезвычайно ее интересовавших.

Благодаря этому сравнительно довольно просторная кухня с большой русской печью, примыкавшая к нашему провинциальному домику, насколько я вспоминаю, всегда была пристанищем разного простого, бедного люда: то ночевали в ней приходившие на богомолье в город богомолки и странницы, умилявшие своими рассказами матушку и Дарью, то заходили с своими горестными «докуками» крепостные мужики и бабы, домогавшиеся при помощи Дарьи и отца доискаться у начальства «правое». Количество последних особенно заметно стало увеличиваться при первых слухах о воле. Потянулись из деревень «мирские люди», ходоки, тайно получавшие от «мира» поручение обо всем «разведать» доподлинно в городе,

а в случае чего и двинуть какую-нибудь жалобу на вопиющую несправедливость по высшему начальству.

В качестве «разведчиков» от деревенского мира являлось немало и «сторонних» людей – поповых сыновей, дьячков и даже самих сельских батюшек, которые справлялись о «крестьянском деле», не меньше интересовались и тем, что не будет ли и для них чего-нибудь, какого-нибудь облегчения, что и их «тоже заедал» нередко барин, а еще того больше – консистория. Вообще чем больше росли слухи о крестьянском освобождении, тем больше являлось «разведчиков» из разнородного люда – чиновников, мещан, купцов, которые все больше укреплялись в мысли, что не только для мужиков, но и для всех должно что-нибудь быть, «что без этого нельзя», что «правда» всем нужна, но эта «правда» понималась ими в крайне сложных, разнообразных и хаотических формах. Типы всех этих разведчиков и от деревенского мира и от других «сословий» были очень своеобразны, ярко отражая собою общее напряженно-выжидательное настроение. И это несмотря на то, что подмосковный губернский город, в котором жила моя семья, являлся исключительно административным центром, переполненным чиновничеством, в высших рангах по преимуществу дворянским, и был, можно сказать, насыщен бюрократически-крепостным духом, при котором всякого такого рода разведки и ходачества являлись очень рискованными и кончались большею частью очень печально.

Более ярко в моей отроческой памяти запечатлелось воспоминание именно о том общем напряженном настроении, которое особенно сильно начало сказываться по окончании Крымской войны. Конечно, это настроение могло отражаться на мне в то время лишь в смутных впечатлениях, и только впоследствии оно обрисовалось для меня в ясных и последовательных проявлениях.

Прежде всего наиболее характерным симптомом нарождавшегося нового настроения являлась как-то сразу увеличившаяся «тяга» в высшие столичные учебные заведения среди нашей учащейся, семинарской и гимназической, молодежи, раньше в громадном большинстве обыкновенно оседавшей по окончании среднего курса на родных местах в качестве или писцов разного рода канцелярий, или городского и сельского клира. Дворянские дети большею частью уходили в специальные военно-учебные заведения или же, реже, в светские, вроде училища правоведения. Из разночинских семей больше всего шло в духовные академии и в редких случаях в университеты. Теперь процент жаждущих высшего образования стал возрастать с необыкновенной быстротой. Это были как бы своего рода новые разведчики, которых пробуждающиеся «низы» жизни усиленно начали высылать туда, к неведомым им доселе «верхам», чтобы хотя косвенно причаститься тому, что зарождалось там, таинственное и волнующее.

Было изумительно и умирительно видеть, с каким напряженным упорством и какою-то мрачною храбростью стали вдруг готовиться все эти разночинные юнцы в неведомые сферы жизни за духовным освежением. Да и было отчего!.. Ведь сколько тревожных и нудных дней и ночей провели они вместе со своими присными, чтобы весь свой жалкий семейный скарб и «животишки» всеми мерами ухитриться «капитализировать» хотя бы в размере, достаточном на преодоление пути в сотни верст до Москвы при помощи обозных порожняков, а то и по образу пешего хождения, не говоря уже о жалком харче для пропитания в столице, по крайней мере в первые месяцы. Многим, конечно, известны яркие и трогательные примеры тогдашнего подобного паломничества хотя бы из биографий первых страсотерпцев-пионеров разночинской литературы, вроде Левитова. Биографии эти особенно характерны для того времени.

И вот эти-то юные разведчики, с первых же лет своего студенчества внося в «верхи» новый строй мыслей и настроений, являлись в то время единственными и желанными вестниками в низы жизни о том таинственном, смутном и неведомом, что творилось где-то

далеко, в недоступных сферах, наполняя то страхом, то надеждой смиренных, затравленных и запуганных обитателей глухих провинциальных и деревенских палестин. Эти же юные разведчики являлись и первыми непосредственными сеятелями в родную почву тех семян, из которых хотя нудно и с великими препонами, но упорно нарождался «новый» человек.

С каким глубоким, хотя и детским, чувством восторга, вспоминается мне, ожидали мы, малыши, летние каникулы в маленьких провинциальных домиках и их садиках, в городах или в селах, встречая там возвращавшихся из столиц своих дядей или старших братьев и их товарищей. Сколько в них было бодрого, жизнерадостного, юного, сколько несли они нам оживляющих, озаряющих и преображающих откровений, сколько перлов неведомой до того «свободной» мысли и поэзии неощутимо внедрялось в наши ребяческие души!.. Быть может, было в этом настроении чересчур наивно-детского, но оно было именно таково, и для тех, кого оно коснулось, уже не могло пройти совсем бесследно.

Увлеченный, с одной стороны, спортом ребячьей улицы, с другой – зубрежкой и школярской борьбой с гимназической «системой», я как-то совсем пропустил мимо глаз все то, что совершалось в жизни моих дядей: как они покончили богословские классы, как долго решали и обсуждали коренной вопрос своей молодой жизни – изменить профессии своего рода, выписаться в «светское» звание, навсегда порвав с «духовным ведомством», и, наконец, поступить в студенты в университет, поехать в Москву, в Петербург... Эти важные вопросы, конечно, не раз горячо и всесторонне обсуждались как у нас в доме, так и в семьях обоих дедов, – но все это прошло мимо меня, как в тумане. В моей памяти как-то удержалась только одна характерная подробность – как живший у нас сумрачный дядя Сергей готовился к требовавшемуся для поступления в университет экзамену по французскому языку: он в течение месяца буквально *вызубрил* от А до Z весь довольно объемистый лексикон, который был приложен к хрестоматии Марго. Этот великий подвиг изумил не только меня, но и всех окружающих. Мой старший дядя, Александр (по отцу), уже раньше покончил семинарию и поступил студентом в Петербург, в Педагогический институт, и приезжал только на каникулы, а дядя Сергей всего только год тому назад сделался студентом-медиком в Москве. Многие из их одноклассников по семинарии, жившие у нас в доме нахлебниками или бывшие даже моими репетиторами, тоже поделались студентами. Я, конечно, все это знал, но знал как-то внешне, безучастно, и только теперь вдруг все это начало принимать для меня особый смысл, осветилось особым значением. Ни этот смысл, ни это значение я не мог бы еще точно формулировать, но я почувствовал, что они, вся эта студенческая молодежь, живут уже какой-то иной жизнью и иными интересами, чем жило все кругом меня и чем они жили раньше сами. Любопытно, что первое, что возбудило во мне неожиданно для меня самого какой-то особый интерес к тому, что преображало окружающую меня жизнь, был забавный на первый взгляд факт – появление у нас в доме дяди Александра в белой накрахмаленной блузе, подпоясанной кожаным ремнем, вместо обычного студенческого вицмундира, и – что еще было неожиданнее – дядя в этом костюме стал появляться всюду: и на бульваре и во всех общественных местах, к изумлению наших провинциальных обывателей! Прошло еще немало времени, прежде чем я уразумел, что эта невиданная в наших местах и резавшая всем глаза своею яркой белизной и необычностью блуза была не простым франтовством дяди, а имела некоторый таинственный символический смысл. Открылся он для меня в один из знаменательных вечеров, который особенно ярко запечатлелся в моей памяти. Почему-то к этому вечеру особенно готовились (может быть, по случаю приезда «столичной» молодежи). Матушка одела свое праздничное платье, наши маленькие столовая, зальца и гостиная, обыкновенно обретавшиеся в большом беспорядке благодаря нам, детям, приняли тоже праздничный вид: были постланы везде новые салфетки и поставлены на столы по паре «калетовских» (стеариновых) свечей в больших бронзовых подсвечниках, что считалось тогда еще большою роскошью. Батюшка сегодня, кажется, совсем не снимал сюр-

тука. Все это возбудило во мне такой интерес, перед которым окончательно стушевались все прелести уличного спорта, и я предпочел остаться дома. К вечернему чаю стала собираться приезжая студенческая молодежь – сначала товарищи дяди Сергея, остановившегося пока у нас, затем явился очень оживленный блондин в черном сюртуке, в летах моего отца, некто Николай Яковлевич Д.; я знал, что он преподавал в семинарии французский язык и сельское хозяйство и считался «очень образованным» человеком, так как кончил курс не в знакомой более или менее всем какой-нибудь духовной академии, а в Горыгорецком агрономическом институте (не все были в силах даже и выговорить правильно такое название!); с ним пришла и его супруга, необычно шикарно разодетая, с аристократическими манерами дама, умевшая говорить по-французски. (Сам агроном был сын сельского дьячка, а супруга его была дворянского происхождения.) Все это я знал раньше, хотя Д. вообще посещали нас еще не часто. Визит их придавал нашему вечеру еще более незаурядный интерес. Пришли затем еще несколько близких знакомых отца и два «профессора» семинарии, считавшиеся дальними родственниками. Начали разносить чай, когда явился, наконец, по обыкновению с добродушной улыбкой, с мягкими изящно-простыми непринужденными манерами, дядя Александр, общий любимец и моего отца, и матери, и нас, детей, – явился в своей необычайной сверкающей белизною блузе, со свертком книг в руках.

– А! вот и вы! – крикнули гости чуть не все разом, окидывая взором его оригинальный костюм.

– В «дух времени» облеклись? – заметил один из профессоров.

– Нужно бы, батенька, по-нашему уж, по-русски, по-крестьянски... Дело теперь крестьянское наступает!.. – сказал, улыбаясь, агроном.

– Ну, пусть уж в красных рубахах да плисовых поддевках ваши славянофилы московские ходят... А мы-с петербургские увриеры!.. – говорил, смеясь и радушно пожимая всем руки, дядя. Поострив еще насчет костюмов «в духе времени», гости стали поздравлять дядю с окончанием курса и с тем, что он уже стал теперь «форменный педагог». Это последнее обстоятельство меня окончательно заинтриговало: дядя Александр, этот милый, добрый, ласковый дядя, вдруг стал «форменный педагог»! А тут еще эта блуза! Поистине изумительное преображение совершилось предо мною воочию.

– Ну, показывайте, что привезли новенького, животрепещущего, так сказать!.. Давно мы вас в нашем захолустье ждем... Вы никогда ведь с пустыми руками не являлись, – тотчас же пристал к дяде Александру всегда нервный и возбужденный Д., стараясь взять у него из рук сверток.

– Есть, есть!.. – загадочно говорил дядя, развязывая сверток. – Трудненько досталось, господа... Надо беречь, как зеницу ока... Ну-с, господа, что ж, пойдемте все в гостиную, за один стол, там порассмотрим и кое-что, может, прочитаем...

– Вот и ты здесь? – вдруг заметил меня дядя внимательно рассматривавшим его блузу. – Это хорошо... Пора тебе уже перестать только змеи пускать да по улицам бегать... Посмотри-ка, какой ты молодец!.. Пора уж тебе послушать, что и старшие говорят... Вот тогда и тебе такую же блузу сошьют!.. А? Хочешь?.. Ну, только... надо, брат, для этого поучиться... вот эти книжки уметь читать, – говорил он полушутливо, похлопывая меня по плечу и показывая на сверток. – Ну, пойдем, садись с нами, не дичись, – прибавил он, обнимая меня и увлекая с собой в гостиную, где уже собралась вся компания. – Ну-с, господа, вот вам и последние петербургские новости, – говорил дядя, развертывая сверток. – Вот вам несколько номеров «Колокола», самые животрепещущие.

– Покажите, покажите! Где они? – закричал ученый агроном Д., едва не вырывая газету из рук. Я видел, как глаза профессора вдруг засверкали и жадно впились в печатные строки. Пораженный, я не мог отвести от него широко открытых глаз. Неужели какие-либо печатные

строки могли быть так интересны, да еще для солидного, почтенного человека, у которого дрожат даже руки от прикосновения к простому газетному листу?!

— А это вот, Николай Яковлевич, мы уж с вами как-нибудь вместе на досуге сначала почитаем... У нас, в России, как знаете, это редкая вещь, — говорил дядя, показывая агроному томики на французском языке сочинений Руссо.¹

— Великолепно!.. Превосходно!.. — похваливал Д. восторженно, прочитывая заголовки.

— А вот это, господа, — говорил дядя, понизив голос, — секретные записки о негласных совещаниях комитета... об эманси-и-па-ации! — прибавил он, особенно выразительно выговаривая последнее слово.

— Где? где? Это? Секретные записки? — закричал Д., моментально вскочив и хватая рукопись из рук дяди. — Ну, уж это я... к себе... до завтра... Никому не дам вперед! Ни-и-ко-ому!.. Хоть разорвите!

Гости весело смеялись над экспансивным агрономом.

— Ну, ну! — улыбаясь, говорил дядя. — Уступим это ему. Ему и книги в руки. Ведь у вас Николай Яковлевич главный здесь эмансипатор и литератор.

Изумлению моему не предвиделось конца; я не знал, чему больше удивляться: поведению ли солидного профессора, который на моих глазах уже несколько раз бесновался, как помешанный, необычайному ли потоку новых слов и названий, которые для меня в это время представлялись верхом человеческой премудрости.

— А вот это, господа, для всех нас будет очень интересно и занимательно, — говорил дядя, — это прекрасная новинка... только что вышла... Стихотворения Некрасова... Это одна прелесть!.. Свежо... ново... оригинально... Да вот... прочтемте.

И дядя, развернув небольшой томик в розовой обертке, прочел вслух несколько стихотворений.

Это были первые звуки «истинной» поэзии, которые коснулись моего слуха... Я был весь внимание... Что-то, казалось, творилось неведомое в моей голове... Мне было и жутко и стыдно; у меня то замирало сердце, то вдруг кровь заливала все лицо... от стыда!.. Да, от стыда... Мне было стыдно сознавать, что стихи можно читать и понимать просто, «по-человечески»... А ведь до сих пор я думал, что их можно только зубрить, ничего не понимая, как я зубрил отрывки разных од, идиллий и посланий из нашей хрестоматии... Дядя продолжал читать дальше, но я уже ловил только гармонию стиха, которая ласкала мой слух как нечто не изведенное и не испытанное мною доселе, совсем не в силах будучи уловить ее смысл. Но мне уже не было стыдно и обидно: я чувствовал, что если я не понимаю сейчас, то не потому, что для меня вообще это «невозможно понять», что, напротив, я непременно все это пойму после... скоро... да, непременно пойму!..

Затем дядя стал читать «Колокол», из которого я уже, конечно, ровно ничего не понимал... Какие-то новые звуки, новые слова, новые понятия шумным каскадом вливались мне в душу, и я слушал их, как музыку, смысл которой был для меня непонятен, неясен, но приятен... приятен смутным сознанием, что и это, такое на первый раз мудреное как будто, я тоже скоро... буду понимать и читать так же, как дядя Александр, потому что ведь все это делается так просто, «не по-гимназически», по-человечески... Однако «прием» первых необычных впечатлений был настолько велик и не посилен для моего мозга, что я скоро почувствовал, как от этой музыки новых слов и понятий у меня начала кружиться голова, и у меня явилось непреодолимое желание излить хоть частицу этих впечатлений другим; я ускользнул из нашей гостиной и бросился «на улицу» к своим сверстникам. Как ни был я полон новыми впечатлениями, но передать понятно их товарищам я — увы! — был решительно не в

¹ О названиях и значении этих книг я узнал, конечно, после, как и о значении разных иностранных, модных в то время слов, которые часто упоминались в разговорах.

состоянии, кроме сообщения, что в Петербурге все студенты теперь ходят, как французские рабочие, в белых блузах и носят с собой «запрещенные» книги. Я чувствовал, что этого было недостаточно и был внутренне сконфужен, что не мог передать, чем смутно была переполнена моя юная душа. Заметив, что гости от нас стали расходиться, я стремительно бросился домой и, еще застав дядю Александра, настойчиво пристал к нему показать мне все книжки. Ведь я никогда еще не видал «настоящие» книжки!.. Меня в них все интересовало: печать, бумага, формат, обертки... Все это было так не похоже на гимназический учебник!.. Обо всем этом я засыпал дядю вопросами – вплоть до того, как эти книги и кем печатаются и пишутся. Дядя наскоро отделялся от меня беглыми замечаниями, утешая, что «после... после я все узнаю, а теперь все равно не пойму», но я все же узнал в этот знаменательный вечер и крепко запомнил, что есть писатель «Искандер», который живет изгнанником в Лондоне и там печатает запрещенную газету «Колокол», в которой он все пишет об «эмансипации»; что во Франции был писатель Руссо, который «освободил весь французский народ»; что появился у нас новый замечательный поэт Некрасов, который все пишет о крестьянах и вообще о бедных людях... О, этого на первый раз было уже более чем достаточно, чтобы удовлетворить любознательность мою и моих товарищей, для которых уличья спорт далеко еще не потерял всей своей прелести! Этого было достаточно и для того, чтобы я все чаще стал изменять спорту ребячьей улицы, стараясь возможно чаще быть в компании съехавшейся студенческой молодежи, все больше интересовавшей меня новыми, неизвестными мне сторонами жизни.

II

В вишневом саду у деда. – Первые писательские легенды. – На лоне крепостной деревни.

В начале лета этого года и вишневый сад моего деда вдруг в моих глазах приобрел особое значение; никогда еще раньше не собиралось в нем сразу такое шумное, оживленное и интересное для меня общество молодежи, как в этот год; приехали на каникулы не только мои дяди, но и многие из их товарищей по семинарии, – и неожиданно явились в моих глазах поистине «преображенными».

Добродушный дед, крайне общительный человек и большой любитель всяких «романтических компаний», устроил грандиозную «поздравку» в честь двоих своих сыновей: дяди Александра, только что окончившего курс в Петербургском педагогическом институте, и младшего, Андрея, недавно женившегося и посвященного в сельские священники.

Собралась главным образом молодежь – студенты, молодые священники и великовозрастные семинары из родственников, кроме, конечно, родных обеих семей.

Молодежь чувствовала себя в необыкновенно повышенном настроении. В густой зелени старинных яблонь и вишен дедушкина сада, расположенного на громадном откосе «архиерейской горы», вдали от скученных городских построек, с широким видом на реку, пойму и огромный старинный величественный собор вдали на противоположной горе, чувствовалось так свободно и непринужденно, без всяких условностей. Здесь велись почти весь день горячие споры, читались какие-то статьи, без конца пелись песни...

В спорах я не понимал ровно ничего, но песни мне нравились и увлекали меня: пелись тут и «старые» народные и семинарские песни, пелись и новые, не знакомые мне. Между прочим, помнится мне, кажется, именно здесь я впервые услышал, как пели некраcosское: «Не гулял с кистенем»; впервые же здесь увидел я переходившую все время из рук в руки книжку стихотворений лондонского издания, не дозволенных в России, пользовавшуюся в то время большой популярностью, многие из стихотворений здесь читались вслух; особенно часто повторялась популярная тогда басня «Шарманка». Я, конечно, во всем этом понимал очень мало, но общее повышенное настроение захватывало и меня. Вспоминается мне такой эпизод этого вечера. Когда все сгрудилось на самой широкой площадке сада, где велись горячие споры, кто-то громко выкрикнул какой-то тост общего характера; тост был восторженно подхвачен единодушными криками. Тогда дядя Александр, всегда необыкновенно быстро воодушевлявшийся, заметив кого-то из нас, малышей, крикнул:

– Ну, хочешь видеть Москву, малец? Хочешь?

И, схватив его подмышки, он быстро посадил к себе на плечо.

– Ну, смотри!.. Видишь Москву?.. Да что – Москву... Русь! Видишь ли нашу Русь, Русь будущую, великую, могучую, свободную?! – кричал он, махая свободной рукой...

И снова восторженный крик подхватил его слова.

Но что придавало у нас этому настроению в то время, особенно вскоре после Крымской войны, своеобразный, как-то невольно вдохновлявший и поддерживавший его особый смысл, – это легенды, которые были связаны с тремя крупнейшими нашими литературными именами, сначала Герцена и Салтыкова, а затем вскоре и Добролюбова.

Герцен, как известно, сосланный в тридцать пятом году в Вятку, через два года, в качестве такого же ссыльного, был переведен во Владимир, здесь поступил на службу в канцелярию губернатора Куруты, где и пробыл три года. Был он тогда только еще начинающий писатель, совершенно никому еще не известный, и, вероятно, так бы он надолго бесследно и исчез для нашего обывателя, если бы не случилось выходящего из ряда вон обстоятель-

ства – его женитьбы в нашем городе на увезенной им потихоньку из родительского дома в Москве двоюродной сестре, вопреки желанию отца. Совершение этой свадьбы было окутано большой тайной, и могла она состояться лишь при особом снисхождении местного архиерея и при влиянии на него губернатора: архиереем было приказано «секретно» одному из священников повенчать Герцена как можно скрытнее в отдаленной слободской церкви, на окраине, без малейшего шума, придав этому вид, как будто священник действует на свой страх и риск. В нашей семье я слышал, будто при венчании участвовал и мой дед, молодой еще тогда дьякон, и тоже по секретному архиерейскому наказу. Действительно ли это было так, утверждать не могу, так как дед, быть может под страхом наказания, никогда об этом деле не любил распространяться и вообще умалчивал. Но начало легенде уже было положено, и она в течение многих лет в смутном виде циркулировала среди обывателей.

Возможно, что в течение полутора десятка лет, прожитых с тех пор нашей глухой провинцией в сугубом духовном мраке, и совсем растаяла бы легенда о каком-то ссыльном чиновнике и его таинственной свадьбе, если бы в конце 50-х годов наши, юные столичные разведчики не появились в первые же каникулы с целым ворохом каких-то самых жгучих и животрепещущих таинственных книг, газет и рукописных копий, из которых большая часть была написана нашим легендарным ссыльным. И вдруг легенда о нем стала воскресать во всех бывших и даже не бывших подробностях. «Так вон он каков, *наш-то* ссыльный... Ну не даром, значит, по Ссылкам-то гоняли!.. Был раньше-то Герцен, а тут вдруг Искандером обернулся... Кто ж его узнал бы, что это *наш!*» – восклицали наши наивные обыватели из низов не только светского, но и духовного звания, особенно из молодых. И потихоньку, под сурдинку, с боязливо-трепетным любопытством погружались, в гуще своих садов, в захватывающие страницы «Колокола», разных прокламаций, вроде «К русскому дворянству», «Юрьев день», запрещенных книжек стихотворений лондонского издания, которые приписывались все Искандеру, наконец – в старые книжки «Отечественных записок» со статьями Белинского и Герцена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.